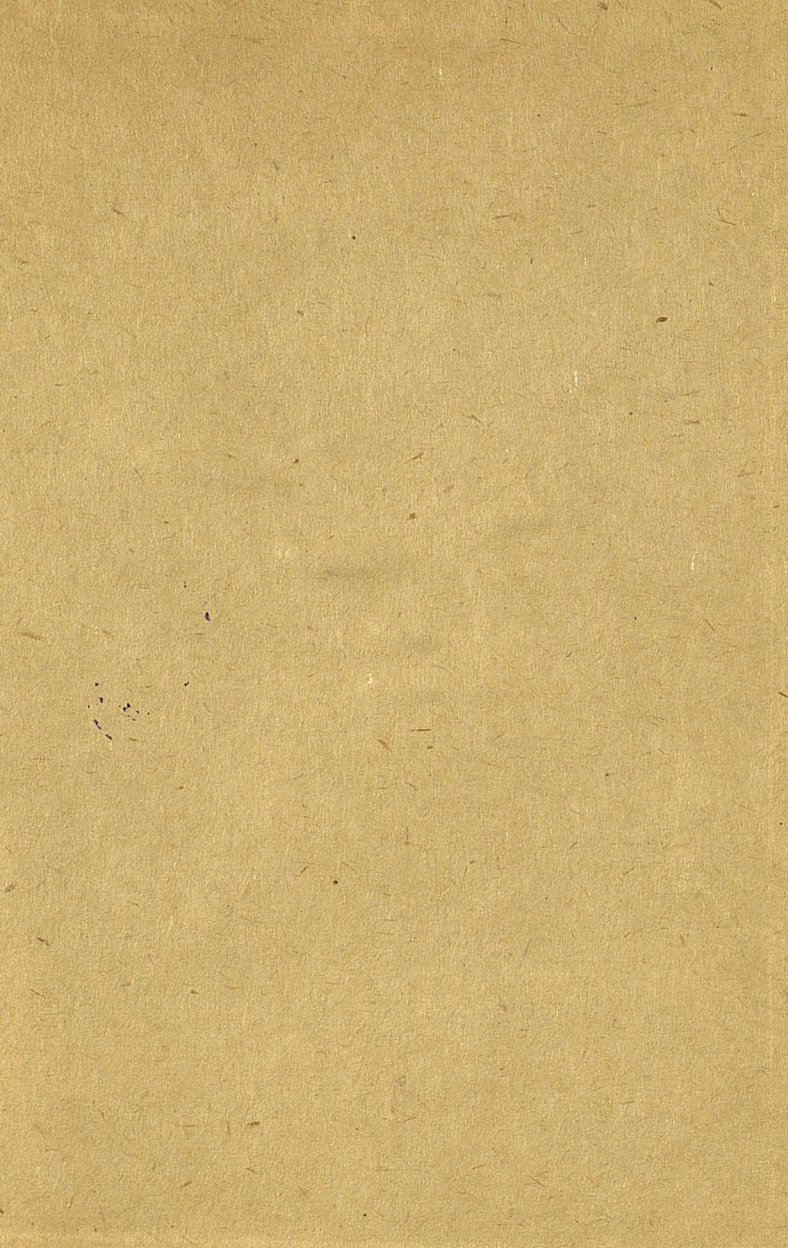
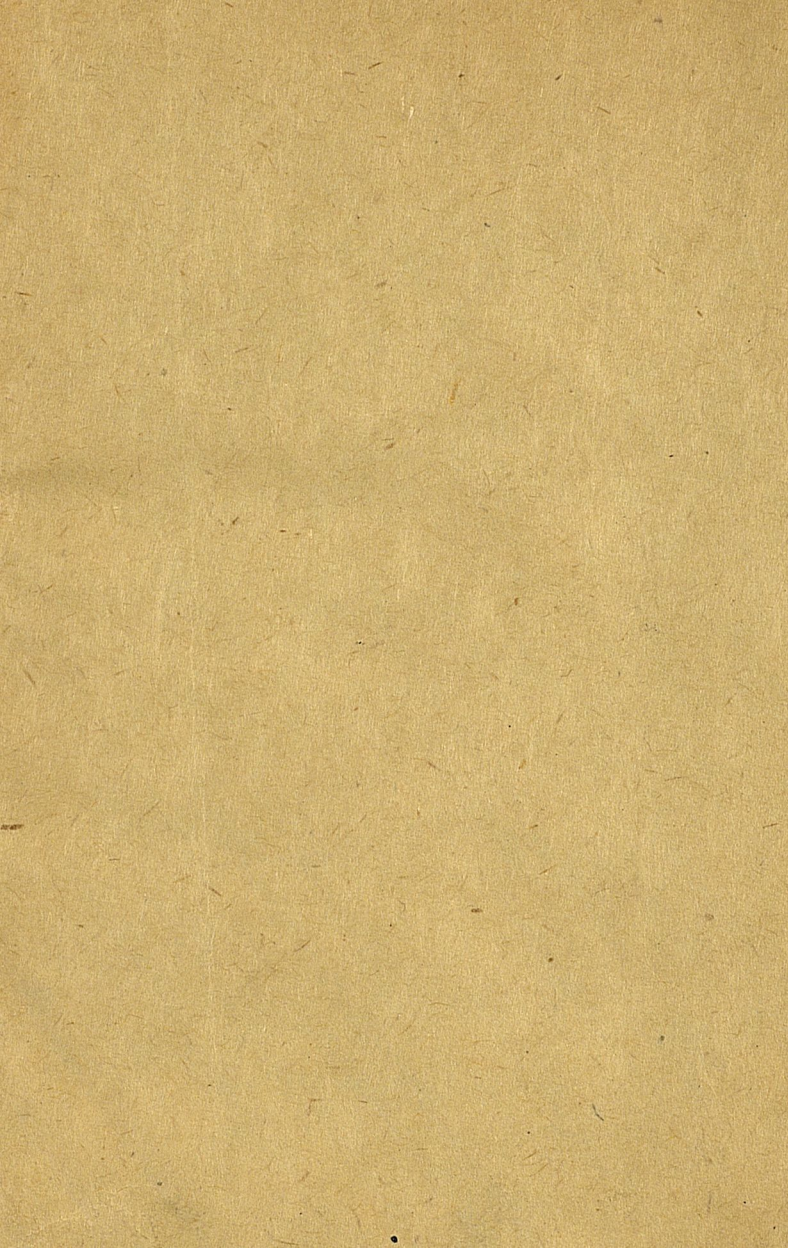

F $\frac{63}{412}$

4112

К. Станюковичъ.

ВАСЬКА.

Разказъ.

ИЗДАНИЕ

ВЯТСКАГО ГУБЕРНСКАГО

ЗЕМЕТВА.

ЦѢНА

8

К.

81

Изданія Вятскаго Губернскаго Земства.

△*	Лермонтовъ.	Избранныя стихотворенія.	Цѣна	5 к.
△*	"	М ц ы р и	"	3 к.
*	"	Демонъ	"	4 к.
*	"	Бояринъ Орша	"	4 к.
*	"	Б е л а	"	5 к.
△*	"	Пѣсня про купца Калашникова	"	3 к.
*	"	Избранныя сочиненія	"	50 к.
	*Г о г о л ь.	Избранныя сочиненія въ 3 том. съ иллюстр.		
			Цѣна 1 р.	50 к.
△*	"	Сорочинская ярмарка. Иллюстр. изд. Ц.		7 к.
△*	"	Майская ночь Иллюстр. изд.	"	7 к.
△*	"	Ночь передъ Рождест. Илл. изд.	"	9 к.
△*	"	Тарасъ Бульба. Иллюстр. изд.	"	18 к.
△*	"	Старосвѣтск. помѣщики. Илл. изд.	"	5 к.
△*	"	Ревизоръ.	"	12 к.
△*	"	Женитьба.	"	10 к.
△*	"	Вечеръ наканунѣ Ивана Купала.		
		Иллюстр. изд.	"	5 к.
△*	"	Страшная мечь. Иллюстр. изд.	"	10 к.
△*	"	Пронавшая грамота. Иллюстр. изд.	"	5 к.
△*	Станюковичъ.	Максимка.	"	7 к.
△*	"	Пропавшій матросъ.	"	5 к.
△*	"	В а с ь к а.		
△*	"	На каменьяхъ.	"	5 к.
	Елпатьяевской.	На кухнѣ.	"	5 к.
△*	Бичеръ-Стоу.	Хижина дяди Тома (готов. къ печати).		
△*	Д е ф о.	Робинзонъ Крузо. (печ. 2 изд.)		
	Острогорскій.	В. П. Н. В. Гоголь. Литературно-биографическій очер.	Цѣна	8 к.
△*	Водовозовъ.	Одиссей	"	5 к.
*	Загоскинъ.	Юрій Милославскій.	"	40 к.
*	Ивановскій.	Худая болѣзнь	"	6 к.
*	Вишневыскій.	О прилипчивыхъ и заразныхъ болѣзняхъ	"	6 к.

ВАСЬКА.

Разказъ изъ былой морской жизни.

К. Станюковича.

Перепечатано безъ измѣненій изъ сборника „Среди моряковъ“, допущенъ въ народныя библіотеки-читальни (кат. 1900, стр. 139) и въ библіотеки народныхъ училищъ (кат. 1901 г., стр. 217.).

ВЯТКА.

Типо-Литографія М. М. Маишевой.

1901

15520

ВАСРКА.

Дозволено цензурою. Г Москва, 4 августа 1901 года.

2007067232

ВАСЬКА.

РАЗКАЗЪ ИЗЪ БЫЛОЙ МОРСКОЙ ЖИЗНИ.

I.

Въ числѣ разной живности—трехъ быковъ, нѣсколькихъ барановъ, гусей, утокъ и куръ—привезенной однимъ жаркимъ ноябрьскимъ днемъ съ берега на русскій военный клиперъ „Казакъ“, накануне его ухода съ острова Мадейра для продолженія плаванія на дальній Востокъ,—находилась и одна, внушительная, жирная, хорошо откормленная фунчальская свинья съ четырьмя поросятами, маленькими, но перешагнувшими однако уже возрастъ свиного младенчества, когда такъ вкусны они подъ хрѣномъ или жареные съ кашей.

Всѣмъ этимъ „пассажирамъ“, какъ немедленно прозвали матросы прибывшихъ гостей, былъ оказанъ любезный и радушный приемъ, и ихъ тотчасъ же размѣстили по обѣ стороны бака *), при самомъ веселомъ содѣйствіи матросовъ.

Трехъ быковъ, только что поднятыхъ съ качавшагося на зыби барказа на веревкахъ, пропущен-

*) Бакъ—передняя часть судна.

ныхъ подъ брюхами, не пришедшихъ еще въ себя отъ воздушнаго путешествія и громко выражавшихъ свое неудовольствіе на морскіе порядки, привязали у бортовъ на крѣпкихъ концахъ; птицу разсадили по клѣткамъ, а барановъ и свинью съ семействомъ помѣстили въ устроенныя плотникомъ загородки, весьма просторныя и даже комфортабельныя. Корма для всѣхъ,— сѣна, травы и зерна, было припасено достаточно, однимъ словомъ моряками были приняты всѣ возможные мѣры для удобства „пассажировъ“, которыхъ собирались сѣсть въ непродолжительномъ времени, на длинномъ переходѣ, предположенномъ капитаномъ. Онъ хотѣлъ итти съ Мадейры прямо въ Батавію на островъ Ява, не заходя, если на клиперѣ все будетъ благополучно, ни въ Ріо-Жанейро, ни на мысъ Доброй Надежды. Переходъ предстоялъ долгій, не менѣе пятидесяти дней, и потому было взято столько „пассажировъ“. Быки назначались для матросовъ, чтобы дать имъ хоть нѣсколько разъ вмѣсто солонины и мясныхъ консервовъ, изъ которыхъ варилась горячая пища, свѣжаго мяса. Остальная живность была запасена для капитанскаго и каютъ-компанейскаго стола, чтобы не весь переходъ сидѣть на консервахъ. Вдобавокъ предстояло встрѣтить въ океанѣ Рождество, и содержатель каютъ-компаніи мичманъ Петровскій, имѣлъ въ виду полакомить товарищей и гусемъ, и окорокомъ, и поросятами, словомъ встрѣтить праздникъ часть-честью.

Нечего и говорить, что для сохраненія палубы въ той умопомрачительной чистотѣ, какою щеголяютъ военныя суда, не жалѣли ни подстилокъ, ни соломы, и старшій офицеръ, не молодой уже лей-

тенантъ, влюбленный до помѣшательства въ чистоту и порядокъ и сокрушавшійся тѣмъ, что палуба приняла несоотвѣтствующій ей видъ деревенскаго пейзажа,—строго-настрого приказывалъ боцману Якубенкову, чтобы онъ глядѣлъ въ оба за благопристойностью скотины и за чистотой ихъ помѣщеній.

— Есть, ваше благородіе!—поспѣшилъ отвѣтить боцманъ, который и самъ, какъ невольный ревнитель чистоты и порядка на клиперѣ, не особенно благосклонно относился къ „пассажирамъ“, способнымъ изгадить палубу и тѣмъ навлечь неудовольствіе старшаго офицера.

— А не то... смотри у меня, Якубенковъ!—вдругъ воскликнулъ старшій офицеръ, возвышая голосъ и напуская на себя свирѣпый видъ.

Окрикъ этотъ былъ такъ выразителенъ, что боцманъ почтительно выкатилъ свои глаза, точно хотѣлъ показать, что отлично смотритъ, и вытянулся въ ожиданіи, что будетъ дальше.

И дѣйствительно послѣ короткой паузы, старшій офицеръ, словно-бы для вящей убѣдительности боцманъ, рѣзко, отрывисто и внушительно спросилъ:

— Понялъ?

— Еще бы не понять!

Онъ отлично понялъ, этотъ пожилой приземистый и широкоплечій боцманъ, съ крѣпко посаженной большой головой, покрытой щетиной черныхъ засѣдѣвшихъ волосъ, виднѣвшихся изъ-за сбитой на затылокъ фуражки безъ козырька. Давно уже служившій во флотѣ и видавшій всякихъ начальниковъ, онъ хорошо зналъ старшаго офицера и по достоинству цѣнилъ силу его гнѣвныхъ вспышекъ.

И боцманъ невольно повелъ своимъ умнымъ чернымъ глазомъ на красноватую, большую правую руку лейтенанта, мирно покоящуюся на штанинѣ, и громко, весело и убѣжденно отвѣтилъ, слегка выпячивая для большого почтенія грудь.

— Понялъ, ваше благородіе!

Главное, братецъ, чтобы эти мерзавцы не изгадили намъ полубы,—продолжалъ уже совсѣмъ смягченнымъ и какъ бы конфиденціальнымъ тономъ старшій офицеръ, видимо вполне довольный, что его любимецъ, дока-боцманъ, отлично его понимаетъ.— Особенно, эта свинья съ поросятами...

— Самые, можно сказать, неряшливые пассажиры, ваше благородіе!—замѣтилъ и боцманъ уже менѣе официально.

— Не пускать ихъ изъ хлѣва. Да у быковъ подстилки чаще мѣнять!

— Слушаю, ваше благородіе!

— И вообще, чтобы и у птицъ, и у скотины было чисто... Ты кого къ нимъ назначилъ?

— Артюшкина и Коноплева. Одного къ птицѣ, другого къ животной, ваше благородіе!

— Такихъ бабъ-матросовъ?—удивленно спросилъ старшій офицеръ.

— Осмѣлюсь доложить, ваше благородіе, что они негодящіе только по флотской части...

— Я и говорю: бабы! Зачѣмъ же ты такихъ назначилъ?—нетерпѣливо перебилъ лейтенантъ.

— По той причинѣ, что они привержены къ сухопутной работѣ, ваше благородіе!

— Какая жъ на суднѣ такая сухопутная работа, по твоему?

— А самая эта и есть за животной ходить, ваше благородіе! Особенно Коноплевъ любитъ всякую животную и будетъ около нея исправень. Пастухомъ былъ, и совсѣмъ въ родѣ какъ мужичкомъ остался... Не понимаетъ морской части!—прибавилъ боцманъ не безъ нѣкотораго снисходительнаго презрѣнія къ такому „мужику“.

Самъ Якубенковъ, послѣ двадцатилѣтней морской службы и многихъ плаваній, давно и основательно позабылъ деревню.

— Ну, ты за нихъ мнѣ отвѣтишь, если что,—рѣшительно произнесъ старшій офицеръ, отпуская боцмана.

Тотъ, въ свою очередь, позвалъ на бакъ Артюшкина и Коноплева и сказалъ:

— Смотри, чтобы и птицу, и животную содержать чисто, во всемъ парадѣ. Палуба, чтобы ни Боже мой... Малѣйшая ежели пакость на палубѣ...—внушительно прибавилъ боцманъ.

— Будемъ стараться, Федось Иванычъ!—испуганно промолвилъ Артюшкинъ молодой, полнотѣлый, чернявый матросъ съ растеряннымъ выраженіемъ на глуповатомъ лицѣ, въ страхѣ жмурия глаза, точно передъ его зубами уже былъ внушительный жилистый кулакъ боцмана.

Коноплевъ ничего не сказалъ и только улыбался своей широкой добродушной улыбкой, словно бы выражая ею нѣкоторую увѣренность въ сохраненіи своихъ зубовъ.

Это былъ неуклюжій, небольшого роста, бѣлобрысый человѣкъ лѣтъ за тридцать, съ большими сѣрыми глазами, рыжеватыми баками и усами, рябова-

тый и вообще не казистый, совсѣмъ не имѣвшій того браваго вида, какимъ отличаются матросы. Несмотря на то, что Коноплевъ служилъ во флотѣ около восьми лѣтъ, онъ все еще въ значительной мѣрѣ сохранилъ мужицкую складку и глядѣлъ совсѣмъ мужикомъ, только по какому-то недоразумѣнію одѣтымъ въ форменную матросскую рубаху. Весь онъ былъ какой-то нескладный, и все на немъ сидѣло мѣшковато. Матросской выправки никакой.

И онъ не даромъ считался плохимъ матросомъ, такъ называемой бабой, хотя и былъ старательнымъ и усерднымъ, исполняя обязанности простой рабочей силы. Онъ добросовѣстно вмѣстѣ съ другими тянулъ снасть, ворочалъ пушки, гребъ на барказѣ, наваливаясь изо всѣхъ силъ на весло; но на болѣе отвѣтственную и опасную матросскую работу, требующую ловкости, быстроты и отваги, его не назначали.

И онъ былъ несказанно радъ этому.

Выросшій въ глухой деревнѣ и любившій кормилицу землю, какъ только могутъ любить мужики, никогда не видившіе не только моря, но даже и озера, онъ двадцати трехъ лѣтъ отъ роду былъ оторванъ отъ сохи и сданъ, по малому своему росту, въ матросы.

И море, и эти диковинные корабли съ высокими мачтами съ перваго же раза поразили и испугали его. Онъ никакъ не могъ привыкнуть къ чуждому ему морю, полному какой-то жуткой таинственности и опасности. Морская служба казалась ему Божиимъ наказаніемъ. Одинъ видъ марсовыхъ, бѣгущихъ какъ кошки по вантамъ, крѣпящихъ паруса или

берущихъ рифы въ свѣжую погоду, стоя у рей *), стремительно качающихся надъ волнистою водяной бездною—вчужѣ вселялъ въ этомъ сухопутномъ человѣкѣ чувство невольнаго страха и трепета, котораго поборотъ онъ не могъ. Онъ зналъ, что малѣйшая неловкость или неосторожность, и человѣкъ сорвется съ реи и разможитъ себѣ голову о палубу или упадетъ въ море. Видывалъ онъ такіе случаи во время своей службы и только ахалъ, весь потрясенный. Никогда не полѣзъ бы онъ добровольно на мачту,—Богъ съ ней!—и по счастью его никогда и не посылали туда.

Такъ Коноплевъ и не могъ привыкнуть къ морю. Оно попрежнему возбуждало въ немъ страхъ. Назначенный въ кругосвѣтное плаваніе, онъ покорился, конечно, судьбѣ, но нерѣдко скучалъ, уныло поглядывая на сѣдые высокіе волны, среди которыхъ, словно между горъ, шель раскачиваясь, небольшой клиперъ. Вдобавокъ Коноплевъ не переносилъ сильной качки, и когда, во время бурь и непогодъ клиперъ „валяло“, какъ щепку, съ бока на бокъ, Коноплевъ вмѣстѣ со страхомъ испытывалъ приступы морской болѣзни.

И въ такіе дни онъ особенно тосковалъ по землѣ, любовно вспоминая свою глухую, заброшенную въ лѣсу, деревушку, которая была для него милѣе всего на свѣтѣ.

Несмотря на то, что Коноплевъ былъ плохой матросъ и далеко не отличался смѣлостью, онъ пользовался общимъ расположеніемъ за свой необычно-

*) Дерево, подвѣшенное за середину къ мачтѣ и служащее для перевязыванія паруса.

венно добродушный и уживчивый нравъ. Даже самъ боцманъ Якубенковъ относился къ Коноплеву снисходительно и только въ рѣдкихъ случаяхъ „запаливалъ“ ему, словно бы понимая, что не сдѣлалъ изъ этого прирожденнаго мужика форменнаго матроса.

— А ты что, Коноплевъ, рожу только скалишь. Ай, не слышишь, что я приказываю?—спрашивалъ боцманъ.

— То-то слышу, Оедось Ивановичъ.

— Хочешь, что-ли, чтобы зубы у тебя были цѣлы?

— Не сумлѣвайтесь, будутъ цѣлы, Оедось Ивановичъ!

— Смотри не ошибись.

— Я это дѣло справлю, какъ слѣдуетъ. Самое это простое дѣло. Слава Богу, за скотиной хаживалъ!—любовно, и весь оживляясь, говорилъ Коноплевъ.

И радостная, широкая улыбка снова растянула его ротъ до широкихъ вислоухихъ ушей при мысли о работѣ, которая хотя отчасти напомнить ему здѣсь, среди далекаго постылаго океана, его любимое деревенское дѣло.

— То-то, и я тобой обнадеженъ. Я такъ и обсказывалъ старшему офицеру, что ты по мужицкой части не сдрейфуешь. Смотри, не оконфузь меня... Да помните вы оба: ежели да старшій офицеръ замѣтитъ у скотины или у птицы какую-нибудь неисправку или поврежденіе палубы, велить вамъ обоимъ всыпать. Знай это, ребята!—закончилъ боцманъ добродушно—дѣловымъ тономъ, словно бы передавалъ самое обыкновенное извѣстіе.

— Я буду стараться около птицъ... Изю всей, значить, силы буду стараться, Федось Иванычт!— снова пролепеталъ растеряннымъ и упавшимъ голосомъ Артюшкинъ совсѣмъ перепуганный послѣдними словами боцмана.

И въ головѣ молодого матросика,—даромъ что она была не особенно толкова,—пробѣжала мысль о томъ, что лучше бы имѣть дѣло только съ боцманомъ.

Коноплевъ снова промолчалъ.

Судя по его спокойному лицу, мысль о „всыпкѣ“, повидимому, не беспокоила его. Онъ былъ полонъ увѣренности въ своихъ силахъ и къ тому же понималъ старшаго офицера, какъ человѣка, который не станетъ наказывать зря, и если, случается, всыпаетъ, то „съ разсудкомъ“.

II.

Коноплевъ принялся за порученное ему дѣло съ такимъ увлеченіемъ, какого никогда не проявлялъ въ карабельныхъ работахъ. Тѣ онъ исполнялъ хотя и старательно, но совершенно безучастно, съ покорностію подневольнаго человѣка и съ автоматичностью машины. А въ эту онъ вкладывалъ душу, и потому эта работа казалась ему и пріятна, и легка.

И самъ онъ перемѣнился. Обыкновенно, скучавшій и нѣсколько вялый, онъ сталъ вдругъ необыкновенно дѣятеленъ, весело озабоченъ около своихъ „пассажировъ“ и, казалось, забылъ на время и постылость морской службы, и страхъ передъ нелюбимымъ имъ океаномъ. Однимъ словомъ, этотъ неудавшійся матросъ ожилъ, какъ оживаетъ человѣкъ, внезапно нашедшій смыслъ жизни.

Съ перваго же дня, какъ на „Казакъ“ были водворены всѣ „пассажиры“, Коноплевъ возбудилъ общее удивленіе своимъ умѣньемъ обращаться съ животными товарищески-любовнымъ къ нимъ отношеніемъ и какою-то особенною способностью понимать ихъ и даже разговаривать съ ними, точно въ немъ самомъ было что-то родственное и близкое животнымъ, которыхъ онъ пѣствовалъ съ любовью и лаской. И они, казалось, понимали его, не боялись, слушались и словно бы считали немного своимъ.

Но особенное изумленіе матросовъ вызвано было при первомъ знакомствѣ Коноплева съ однимъ неспокойнымъ и сердитымъ быкомъ.

Это былъ самый буйный изъ всѣхъ трехъ, привезенныхъ на клиперъ. Небольшой, но сильный, черный и косматый, онъ отчаянно и сердито мычалъ, когда его, связаннаго по ногамъ, поднимали съ барказа на палубу. Не успокоился онъ и тогда, когда его привязали толстой веревкой къ бортовому кольцу и освободили отъ путъ. Онъ чуть было не боднулъ возившихся около него и успѣвшихъ отскочить матросовъ и продолжалъ злобно мычать на новосельѣ. При этомъ онъ рвался съ веревки, нетерпѣливо билъ копытами по деревянной настилкѣ и грозно, съ налитыми кровью глазами, поговалъ своею рогатою головой.

Онъ наводилъ страхъ. Никто не осмѣливался къ нему подойти, боясь быть вскинутымъ на его изогнутые острые рога.

Заняты интереснымъ и рѣдкимъ на суднѣ зрѣлищемъ, матросы толпились въ почтительномъ отдаленіи отъ сердитаго быка и перекидывались на его

счетъ островами и шутками.

— И сердитый же у насъ, братцы, пассажиръ. Около его теперь и не пройти. Забодаеть!

— Ходу ему не дадутъ. Перваго зарѣжутъ! Не бунтуй на военномъ суднѣ.

— Видно, въ первой разъ въ море идетъ, оттого и бунтуеть.

— Чуетъ, поди, что къ намъ въ щи попадетъ, сердится.

— Въ морѣ усмирится.

— Не бойсь, его самъ боцманъ не усмирить, потому линькомъ его не выучишь. Не матросъ!

Это замѣчаніе вызываетъ въ толпѣ смѣхъ. Не безъ удовольствія улыбается и боцманъ, довольный столь лестнымъ о немъ мнѣніемъ.

— И какъ только Коноплевъ будетъ ходить за этимъ чертомъ! Страшное это, братцы, дѣло связаться съ такимъ пассажиромъ... Будетъ Коноплеву съ имъ хлопотъ!—участливо замѣтилъ кто-то.

И многіе пожалѣли Коноплева. Какъ бы ему не досталось отъ сердитаго быка.

— Не бойсь, не достанется, братцы... Я умирю его!—проговорилъ вдругъ своимъ спокойнымъ и привѣтнымъ голосомъ Коноплевъ, пробираясь черезъ толпу съ другой стороны бака.

Тамъ онъ только что навѣстилъ другихъ двухъ быковъ, привязанныхъ отдѣльно отъ безпокойнаго. Они тоже мычали, видимо, еще не освоившись съ новымъ положеніемъ, но въ ихъ мычаніи слышались покорные грустные звуки, похожіе на жалобу.

Коноплевъ гладилъ ихъ морды, чесалъ имъ

спины, что-то говорилъ имъ тихимъ, ласковымъ голосомъ, указаль на кормъ и скоро ихъ успокоиль.

— Онъ, братцы, сердится что его съ родной стороны взяли,—продолжалъ Коноплевъ, проталкиваясь впередъ;—тоску свою, значить, по своему мѣсту сердцемъ оказываетъ. А бояться его нечего, быка-то. Онъ—добрая животная, и если ты съ имъ лаской, не забудить...

Съ этими словами онъ ровной, спокойной походкой, слегка пореваливаясь и не ускоряя шага, направился къ бунтующему быку.

Матросы такъ и ахнули. Всѣ думали, что Коноплеву будетъ бѣда. Никто не ожидалъ, что такой трусливый по флотской части матросъ рѣшится итти къ бѣшеному звѣрю.

Бицманъ Якубенковъ испуганно крикнулъ:

— Назадъ! На рога что ли хочешь, дурья твоя башка!

Но Коноплевъ уже вступиль на широкую деревянную настилку, на которой головой къ нему стояль звѣрь, готовый, повидимому, принять на рога непрошеннаго гостя.

Глядя прямо быку въ глаза, Коноплевъ подошелъ къ нему и фамилярно сталъ трепать его по мордѣ и тихо, и ласково говорилъ, точно передъ нимъ былъ человѣкъ:

— А ты, голубчикъ, не бунтуй. Не бунтуй, братецъ ты мой. Не хорошо.. Всякому своя доля.. Нечего не подѣлаешь.. Все, братецъ ты мой, отъ Господа Бога.. И человѣку, и звѣрю..

Видимо озадаченный, быкъ мгновенно притихъ, точно загнипнотизированный. Склонивъ голову, онъ

позволил себя ласкать, словно-бы въ этой ласкѣ и въ этомъ доброжелательномъ голосѣ вспоминалъ что-то обычное, знакомое.

И Коноплевъ, продолжая говорить все тѣ же слова, чесалъ быка за ухомъ, подъ горломъ, и быкъ не противился и только мордой обнюхивалъ Коноплева, какъ будто рѣшилъ ближе съ нимъ познакомиться.

Тогда Коноплевъ захватилъ пучъ свѣжей травы лежавшей въ углу, вблизи сѣна, на настилкѣ, и поднесъ ее быку.

Сперва быкъ нерѣшительно покосился на траву, жадно раздувая ноздри. Но затѣмъ осторожно взялъ ее, касаясь шаршавымъ языкомъ руки Коноплева, и медленно сталъ жевать, подсапывая носомъ.

— Небойсь скусная родимая травка! Ёшь на здоровье. Тутъ и еще она есть... и сѣнца есть... Кантуй, на здоровье. Ужо напою тебя, а завтра свѣжаго корма принесу... А пока что, прощай... Такъ-то оно лучше, ежели не бунтовать... Ничего не подѣлаешь!

И, потрепавъ на прощаніе начинающаго успокаиваться быка, Коноплевъ отошелъ отъ него и, обратившись къ изумленной толпѣ матросовъ, проговорилъ:

— А вы, братцы, не мѣшайте ему, не стойте у его на глазахъ... дайте ему вовсе въ понятіе войти.. Тоже звѣрь, а, небойсь, понимаетъ, ежели надъ имъ смѣются..

—И матросы послушно разошлись, вполнѣ доверяя словамъ Коноплева.

А онъ пошелъ отъ быка къ другимъ „пассажирамъ“. Побывалъ у сбившихся въ кучу барановъ,

заглянулъ въ загородку на свинью съ поросятами, перетрогалъ и осмотрѣлъ ихъ всѣхъ, несмотря на сердитое хрюканіе матери, и почему-то особенно ласково погладилъ одного изъ нихъ. Къ вечеру онъ снова обошелъ всю свою команду и всѣмъ поставилъ воды, пожелавъ спокойной ночи.

Въ эту ночь онъ и самъ легъ спать веселый и довольный, что у него есть дѣло, напоминающее деревню.

Еще только что начинало разсвѣтать; на востокъ занималась розовато-золотистая заря, и звѣзды еще слабо мигали на небѣ, какъ Коноплевъ уже всталъ и, пробираясь между спящими матросами, вышелъ на верхъ и принялся убирать стойла и загородки. Проснувшіеся „пассажиры“ встрѣчали его, какъ знакомаго человѣка, и протягивали къ его рукѣ морды. Онъ трепалъ ихъ и говорилъ, что сейчасъ принесетъ свѣжаго корма, только вотъ управится.

И, тщательно вычистивъ всѣ пассажирскія помѣщенія, сталъ носить сѣно и траву, заготовленное еще наканунѣ для свиней мѣсиво и свѣжую воду. И у всѣхъ онъ стоялъ, посматривая, какъ они принимаютъ за ѣду, и наблюдая, чтобы всѣ ѣли.

— А ты не забижай другихъ!—гворилъ онъ среди барановъ, замѣтивъ, что одного молодого барашка не подпускаютъ къ травѣ другіе.—Всѣмъ хватить. Малыша не тѣсни.

И отгонялъ другихъ, чтобы дать корму обиженному.

Когда раннимъ утромъ подняли команду, и началась обычная утренняя чистка клипера, а старшій офицеръ уже носился по всему судну, заглядывая во

всѣ уголки, у Коноплева все было готово и въ порядкѣ. Онъ былъ при своихъ „пассажирахъ“ и энергично заступался за нихъ, когда матросы, оканчивающіе палубу, направляли на нихъ бранной, чтобы потѣшиться. Заступался и сердился, объясняя, что „животная“ этого не любитъ, и даже обругалъ одного молодого матроса, который пустил-таки струю въ барановъ, которые заметались въ ужасѣ.

Убѣдившись, что палуба не загажена, и что и у скотины и у птицы все чисто и въ порядкѣ, старшій офицеръ, повидимому, снисходительнѣе посмотрѣлъ на присутствіе многочисленныхъ „пассажировъ“ (къ тому же онъ любилъ и покушать) и безъ раздраженія слушалъ бляніе, хрюканіе, гоготаніе гусей и утокъ и пѣніе пѣтуховъ.

Остановившись съ разбѣга на бакѣ, гдѣ боцманъ Якубенковъ съ ранняго утра оглашалъ воздухъ ругательными импровизаціями, „подбадривая“ этимъ, какъ онъ говорилъ, матросовъ для того, чтобы они веселѣе работали,—старшій офицеръ взглянулъ на чернаго быка, смиренно жевавшаго сѣно, взглянулъ на настилку, блестящую чистотой, и проговорилъ, обращаясь къ Коноплеву:

— Чтобы всегда такъ было.

— Есть, ваше благородіе!

— Старайся.

— Слушаю-сь, ваше благородіе!

— Ты, говорятъ, вчера этого бѣшеннаго быка усмирилъ? Не побоялся?

— Онъ и такъ былъ смиренный... Тосковалъ только, ваше благородіе!—застѣнчиво, вяло и боязливо отвѣчалъ Коноплевъ, какъ-то неловко прикладывая

пятерню пальцевъ къ своему лобастому, вислоухому лицу.

Старшій офицеръ, самъ бравый морякъ и любившій въ матросахъ молодецкую выправку, пренебрежительно повелъ глазомъ на переминавшуюся съ ноги на ногу неуклюжую, мѣшковатую, совсѣмъ не ладную фигуру Коноплева и, словно бы удивляясь, что этотъ „баба-матросъ“ вчера не побоялся свирѣпаго быка, возбуждавшаго безпокойство и въ немъ, старшемъ офицерѣ,—пожалъ плечами и понесся далѣе.

Послѣ подъема флага, „Казакъ“ снялся съ якоря и подъ всѣми парусами полетѣлъ отъ Мадеры въ открытый океанъ, направляясь къ югу, къ благодатному пассату.

III.

Чѣмъ привлечь къ себѣ Коноплева этотъ бѣлый короткошерстый, съ черными подпалинами, боровокъ съ маленькими, конечно, глазками, но бойкими и смышлеными, и съ тупою розовою мордочкой,—объяснить было бы трудно и почти невозможно, если только не принять во вниманіе того, что симпатіи какъ къ людямъ, такъ и къ животнымъ, зарождаются иногда внезапно.

Впрочемъ, возможно было допустить и болѣе тонкое объясненіе, которое и подтвердилось впоследствии, а именно, что Коноплевъ, какъ бывшій въ юности свинопасъ и тонкій знатокъ свиной породы, съ перваго же взгляда, подобно рѣдкимъ педагогамъ, провидѣлъ въ бѣломъ бороваѣ рѣдкія способности и

талантливость, невидимая для простых смертных, и потому почтилъ его особымъ вниманіемъ.

А между тѣмъ, повидимому, онъ ничѣмъ не отличался отъ остальныхъ своихъ трехъ черныхъ братцевъ, кромѣ бѣлаго цвѣта шерсти да развѣ еще тѣмъ, едва ли похвальнымъ качествомъ, что въ моментъ водворенія на клиперѣ, визжалъ громче, пронзительнѣе и невыносимѣе остальныхъ, возбуждая и безъ того возбужденную мать. Она и такъ была взволнована, эта толстая и видная черная свинья, и недоумѣваяще, съ недовольнымъ похрюкиваніемъ, прислушивалась и къ дьявольскому реву чернаго быка, и къ блеянію барановъ, и къ гоготанью гусей, и къ свисткамъ и окрикамъ боцмана, словомъ ко всему этому аду кромѣшному и, ничего не видя изъ-за своей загородки, рѣшительно не понимала, что такое кругомъ творится, и какъ это она, еще недавно спокойно и беззаботно гулявшая среди полной тишины грязнаго двора, въ тѣни широколистныхъ деревьевъ, очутилась вдругъ здѣсь, въ совершенно незнакомомъ и не особенно просторномъ мѣстѣ и гдѣ, вдобавокъ, нѣтъ ни грязи, въ которой можно поваляться, ни сорной ямы, въ которой такія вкусныя апельсинныя корки.

А тутъ еще этотъ болванъ визжить, словно пополоумный, усложняя только и безъ того скверное положеніе и раздражая материнскіе нервы.

Хотя эта Хавронья и была вообще недурная мать, но, несмотря на иностранное свое происхожденіе, не имѣла или, быть можетъ, не раздѣляла разумныхъ педагогическихъ взглядовъ на дѣло воспитанія и потому, безъ всякаго предупредительнаго хрю-

канія, довольно чувствительно-таки куснула неугомоннаго сына за ляжку, словно бы желая этимъ сказать:

— Замолчи, дуракъ! И безъ тебя тошно!

Награжденный кличкою „дурака“, какъ перѣдко свиньи награждаютъ умныхъ дѣтей, боровакъ, казалось, понялъ, чего отъ него требуетъ раздраженная мамонька.

Хотя онъ и взвизгнулъ такъ отчаянно, что проходившій мимо старшій офицеръ поморщился, словно отъ сильнѣйшей зубной боли, и бросился отъ матери въ дальній уголъ, но затѣмъ визжалъ уже тише, съ передышками, больше отъ досады, чѣмъ отъ боли, и скоро совсѣмъ пересталъ, увлеченный братьями въ какую-то игру.

Все это, казалось бы, еще не давало ему особыхъ правъ на предпочтительное вниманіе, особенно со стороны такого нелицепріятнаго человѣка, какъ Коноплевъ, тѣмъ не менѣе, при первомъ же знакомствѣ, Коноплевъ отгесся къ этому бѣлому бороваку нѣсколько иначе, чѣмъ къ другимъ.

Поднявъ его за шиворотъ и осмотрѣвъ его мордочку, онъ ласково потрепалъ его по спинѣ и назвалъ „бошковатымъ“, хотя „башковатый“, въ отвѣтъ на ласку, и визжалъ, словно совсѣмъ глупый поросенокъ, вообразившій, что его сейчасъ зарѣжутъ.

— Не ори, бѣленькій. Еще до Рождества тебѣ отсрочка!—произнесъ, ставя боровака на соломенную подстилку, Коноплевъ.

Въ успокоительномъ тонѣ его голоса звучала, однако, и нотка сожалѣнія къ ожидающей боровака судьбѣ: быть зажареннымъ и съѣденнымъ господами офицерами.

Въ этомъ не могло быть ни малѣйшаго сомнѣнiя.

— А смысленый, должно быть, боровакъ!— словно бы для себя проговорилъ, уходя, Коноплевъ.

И въ ту же минуту въ головѣ его промелькнула какая-то мысль, заставившая его улыбнуться и проговорить вслухъ:

— А важная вышла бы штука... То то ребята бы посмѣялись!..

Мысль эта, повидимому, не долго занимала Коноплева, потому что онъ тотчасъ же безнадежно махнулъ рукой и произнесъ:

— Съѣдать... Имъ только бы брюхо тѣшить! Какъ бы то ни было, какiя бы мысли ни пробѣгали въ головѣ Коноплева насчетъ будущей судьбы боровака и насчетъ людей, способныхъ только тѣшить брюхо, но дѣло только въ томъ, что не прошло и недѣли, какъ бѣлый боровакъ былъ удостоенъ кличкою „Васька“, сдѣлался фаворитомъ Коноплева, и при приближенiи своего пѣстуна поднималъ вверхъ мордочку и пробовалъ, хотя и не всегда удачно, стать на заднiя лапы, ожидая подачи. Но Коноплевъ былъ справедливъ и не особенно отличалъ своего любимца, не желая обижать остальныхъ, хотя тѣ и не обнаруживали той смыслености, какую показывалъ „Васька“. Давалъ онъ имъ пищу всѣмъ одинаковую и обильную, обнаруживая свое тайное предпочтенiе „Васькѣ“ только тѣмъ, что чаще ласкалъ его, иногда выводилъ изъ загородки и позволялъ побѣгать по палубѣ и поглазѣть на окружающее, хотя „Васька“ и замѣчалъ только то, что у него было подъ носомъ.

Всѣ эти преимущества не могли, конечно, обидѣть другихъ поросятъ, разъ ихъ не обдѣляли кормомъ, а, напротивъ, по приказанію содержателя каютъ-компаніи, румянаго и жизнерадостнаго мичмана Петровскаго, съ коварной цѣлью, кормили до отвала. Ёшь, сколько хочешь!

И они всѣ вмѣстѣ съ маменькой полнѣли не по днямъ, а по часамъ, и рѣшительно не думали о чемъ-нибудь другомъ, кромѣ ѣды, и на Коноплева смотрѣли только какъ на человѣка, приносившаго имъ вдоволь и мѣсива, и остатковъ отъ каютъ-компанейскаго стола, и апельсинныхъ корокъ.

А „Васька“, казалось, питалъ и нѣкоторыя другія чувства къ Коноплеву и имѣлъ болѣе возвышенныя понятія о цѣли своего существованія. Съ достойнымъ для боровка упорствомъ старался онъ стать на заднія лапы, при появленіи Коноплева, откликаться на свою кличку и радостно ложился на спину, когда Коноплевъ растопыривалъ свои пальцы, чтобы почесать брюшко своего фаворита, словомъ показывалъ видимое расположеніе къ Коноплеву и какъ бы свидѣтельствовалъ, что можетъ быть годнымъ не для одного только рождественскаго лакомства офицеровъ, а кое для чего менѣе преходящаго и полезнаго какъ для себя, такъ и для другихъ.

Замѣтилъ это и Коноплевъ и, снова занятый прежней мыслью, сталъ часто выводить его изъ загородки, заставлялъ бѣгать, отрывая нерѣдко отъ вкусныхъ яствъ, и однажды даже самъ заставилъ его стать на заднія лапы, при чемъ на морду положилъ кусочекъ сахара. Опытъ если и не вполнѣ удался, но показалъ, что „Васька“ не лишенъ сооб-

разительности и при поддержке можетъ стоять на заднихъ лапахъ и держать на носу сахаръ.

Это обстоятельство привело Коноплева въ восторгъ и доставило „Васькѣ“ не мало ласковыхъ эпитетовъ и не мало ласковыхъ трепковъ и въ то же время вызвало въ Коноплевѣ какое-то твердое рѣшеніе и вмѣстѣ съ тѣмъ смутную, радостную надежду.

Съ слѣдующаго же дня Коноплевъ пересталъ спать послѣ обѣда, и какъ только боцманъ Якубенковъ вскрикивалъ, послѣ свистка въ дудку, — „отдыхать!“ Коноплевъ шелъ за „Васькой“ и уносилъ его, внизъ, на кубрикъ, подальше отъ людскихъ глазъ. Тамъ, въ укромномъ мѣстечкѣ пустого матросскаго помѣщенія (матросы всѣ спали наверху) онъ проводилъ положенный для отдыха часъ глазъ на глазъ со своимъ любимцемъ, окружая занятія съ нимъ какою-то таинственностью.

Послѣ этихъ занятій, „Васька“, обыкновенно, получалъ кусокъ сахара, до котораго былъ большой охотникъ, и напутствуемый похвалами своей „башковатости“, иногда нѣсколько утомленный, но все-таки веселый, водворялся въ загородкѣ, въ которой, какъ колода, валялась разжирѣвшая мать, и съ трудомъ передвигали ноги закормленные поросята.

Кромѣ того, по раннимъ утрамъ, когда старшій офицеръ еще спалъ, и по вечерамъ, Коноплевъ выводилъ „Ваську“ на палубу и заставлялъ его бѣгать, гоняясь за нимъ или пугая его линькомъ. Эти прогулки не особенно нравились „Васькѣ“, и, видимо, утомляли, но за то Коноплевъ былъ доволенъ, видя,

что „Васька“ совсѣмъ не зажирѣлъ и передъ своими братьями казался совсѣмъ тощимъ боровкомъ.

И когда однажды мичманъ, завѣдующій каютъ-компанейскимъ столомъ, заглянувъ въ загородку, спросилъ Коноплева:

— Что это значить? Всѣ поросята, какъ слѣдуетъ, откормлены, а этотъ бѣлый совсѣмъ тощій?

То Коноплевъ съ самымъ серьезнымъ видомъ отвѣтилъ:

— Совсѣмъ нестоющій боровокъ, ваше благородіе!

— Почему нестоющій?

— Въ тѣло не входитъ, ваше благородіе. Вовсе безъ жира... И для пищи не должно быть скусной...

— Что-жь онъ не ѣстъ, что ли?

— Плохо пищу принимаетъ, ваше благородіе.

— Отчего?

— Вѣрно, къ морю не способенъ, ваше благородіе...

— Странно... Отчего же другіе всѣ жирѣютъ... Ты смотри, Коноплевъ, подкорми его къ празднику.

— Слушаю, ваше благородіе. Но только, осмѣлюсь доложить, врядъ ли его подкормить, какъ слѣдуетъ, къ празднику... Развѣ попозже въ тѣло войдетъ, ваше благородіе!

IV.

Между тѣмъ время шло.

Сѣверные и южные тропики были пройдены, и клиперъ уже шелъ по Индійскому океану, поднимаясь къ экватору.

Миновали красные деньки спокойнаго благодатнаго плаванія въ вѣковѣчныхъ, ровно дующихъ пассатахъ, при чудной погодѣ, при ослѣпительномъ солнцѣ, бирюзовомъ высокомъ небѣ, въ этомъ, отливающимъ синевой, тихо переливающимся ласковомъ океанѣ, слегка покачивающемъ клиперъ на своей мощной груди.

Снова наступила для моряковъ жизнь, полная неустанной работы, тревогъ и опасностей. Приходилось постоянно быть на чеку, съ напряженными нервами. Индійскій океанъ, извѣстный своими бурями и ураганами, принялъ моряковъ далеко не ласково съ перваго же дня вступленія „Казакъ“ въ его владѣнія, и чѣмъ дальше, тѣмъ становился угрюмѣе и грознѣе: „валялъ“ клиперъ съ бока на бокъ, подавалъ въ корму и опускалъ носъ среди своихъ громадныхъ валовъ съ сѣдыми пѣнящимися верхушками. И маленькій „Казакъ“, искусно управляемый моряками, ловко избѣгалъ этихъ валовъ, то поднимаясь на нихъ, то опускаясь, то проскальзывая между ними, и шелъ себѣ впередъ да впередъ среди пустыннаго сердитаго океана, подъ небомъ, покрытымъ мрачными, клочковатыми облаками, изъ-за которыхъ иногда вырывалось солнце, заливая блескомъ серебристые холмы волнъ.

И ничего кругомъ, кромѣ волнъ и неба.

Почти все это время „Казакъ“ не выходилъ изъ рифовъ *) и частенько-таки выдерживалъ штормы подъ штормовыми парусами **). Жесточайшая

*) Взять рифы у паруса значить уменьшить площадь паруса.

***) Паруса, которые ставятъ во время шторма.

качка не прекращалась, и на бакъ часто попадали верхушки волнъ. Нерѣдко въ каютъ-компаниі приходилось на обѣденный столъ накладывать деревянную раму съ гнѣздами, чтобы въ сильной качкѣ не каталась посуда. Бутылки и графины, завернутые въ салфетки, клали плашмя. Вѣстовые, подавая кушанье, выписывали мыслете, и съѣсть тарелку супа надо было съ большой ловкостью, ни на секунду не забывая законовъ равновѣсія. Выдавались и такіе штормовые деньки, въ которые рѣшительно невозможно было готовить въ камбузѣ (судовой кухнѣ), и матросамъ и офицерамъ приходилось довольствоваться сухоѣденіемъ и съ большимъ нетерпѣніемъ ожидать конца этого длиннаго перехода. Уже мѣсяць прошелъ... Оставалось, при благоприятныхъ условіяхъ, еще столько же.

Большая часть „пассажировъ“ была уже съѣдена. Ихъ оставалось немного, и тѣхъ спѣшили уничтожить, такъ какъ многіе изъ нихъ не переносили сильной качки и могли издохнуть.

Коноплеву уже не было прежнихъ заботъ и не на чемъ было проявить свою дѣятельность. Не безъ грустнаго чувства разставался онъ съ каждымъ „пассажиромъ“, который назначался на убой и никогда не присутствовалъ при такомъ зрѣлищѣ. Пассажиры рѣдѣли, и Коноплевъ, казалось, еще съ большею заботливостью и любовью ходилъ за оставшимися.

Многіе только дивились такой заботливости о животныхъ, когорыхъ, все равно, зарѣжутъ.

— Чего ты такъ стараешься о пассажирахъ, Коноплевъ?—спрашивалъ однажды Артюшкинъ, въ

вѣдомствѣ котораго оставалось всего лишь шесть гусей.

Остальная птица давно была съѣдена.

— Какъ же не стараться о животной! Она тоже Божья тварь.

— Да вѣдь много ли ей вѣку? Сегодня ты примѣрно ее напоилъ, накормилъ, слово ласковое сказалъ, а завтра ей крышка. Ножомъ Андреевъ полоснетъ.

— Ничего ты себѣ, паренекъ, Артюшкинъ, а башкой, братецъ ты мой, слабъ... вотъ что я тебѣ скажу... И всякому изъ насъ крышка будетъ... Кому раньше, кому позже, такъ развѣ изъ-за самаго эстаго тебя и не корми, и не пои, и дуй тебя по мордѣ, скажемъ, каждый день?.. Моль, все равно, помретъ... Еще больше жалѣть нужно животную, кою завтра заколютъ. Пусть хоть день, да хорошо проживетъ... И вовсе ты глупый человѣкъ, Артюшкинъ... Поди лучше да гусямъ воды принеси. Ишь, шеи вытягиваютъ и гогочуть,—пить, значить, просятъ. И ты долженъ это понимать и стараться...

— Это они зря кричатъ...

— Зря? Ты вотъ, глупый, зря мелешь, а птица умнѣй тебя... Неси имъ воды, Артюшкинъ.

Наконецъ палуба „Казака“ почти совсѣмъ очистилась отъ „пассажировъ“. Оставались только: черный быкъ, съ которымъ Коноплевъ давно уже вель дружбу и котораго называлъ почему-то „Тимофеичемъ“, свинья съ семействомъ и шесть гусей. Этихъ „пассажировъ“ приберегали къ празднику, тѣмъ болѣе, что всѣ они отлично переносили качку, а пока

морякамъ приходилось довольствоваться солониной и консервами.

Чѣмъ ближе подходилъ праздникъ, тѣмъ озабоченнѣе и серьезнѣе становился Коноплевъ и чаще обглядывалъ со всѣхъ сторонъ „Ваську“. Хотя онъ, благодаря особеннымъ заботамъ своего покровителя, и не жирѣлъ и былъ, относительно, не особенно соблазнительнымъ для убоя, хоть и довольно виднымъ и бойкимъ боровкомъ, а все-таки. . неизвѣстно, какое выйдетъ ему рѣшеніе, и не пропадутъ ли втуне всѣ заботы и таинственные уроки?

Такія мысли нерѣдко приходили въ послѣднее время Коноплеву и волновали его.

Тѣмъ не менѣе онъ по прежнему занимался со своимъ любимцемъ въ послѣобѣденный часъ въ укромномъ уголкѣ кубрика, заботился объ его моціонѣ и съ какою-то особенною нѣжностью чесалъ Васькины спину и брюхо и называлъ ласковыми именами.

И бѣлый боровокъ, значительно разившійся отъ общенія съ такимъ умнымъ и добрымъ педагогомъ,—казалось, понималъ и цѣнилъ заботы и ласку своего наставника и, въ отвѣтъ на ласку, благодарно лизалъ шершавую руку матроса, какъ бы доказывая, что и свиная порода способна на проявленіе нѣжныхъ чувствъ.

V.

Насталъ сочельникъ.

Моряки уже плыли на „Казакъ“ пятьдесятъ пятый день, не видѣвши береговъ, и приближались къ

экватору. Еще дней пять, шесть и... Батавія, давно желанный берегъ.

Океанъ не бѣснуется и милостиво катитъ свои волны, не пугая высотой и сѣдиной верхушекъ. Вѣтеръ легкій, „брамсельный“, какъ говорятъ моряки, и позволяетъ нести „Казаку“ всю его парусину, и онъ идетъ себѣ узловъ по шести, семи въ часъ. Бирюзовая высь неба подернута бѣлоснѣжными облачками, и ослѣпительно жгучее солнце жаритъ во всю мочь.

И моряки довольны, что придется встрѣтить спокойно праздникъ, хотя и среди океана, подъ южнымъ солнцемъ и при адской жарѣ, словомъ при обстановкѣ нисколько не напоминающей рождественскіе праздники на далекой родинѣ, съ трескучими морозами и занесенными снѣгомъ елями.

Приготовленія къ празднику начались съ ранняго утра. Коноплевъ, встревоженный и безпокойный, еще наканунѣ простился съ „Тимофеичемъ“ ласковыми словами, когда въ послѣдній разъ ставилъ ему на ночь воду,—зная, что на утро его убьютъ.

Онъ даже нѣжно прижалъ свое лицо къ мордѣ животнаго, къ которому такъ привыкъ и за которымъ такъ заботливо ухаживалъ, и быстро отошелъ отъ него, проговоривъ:

— Прощай, Тимофеичъ... Ничего не подѣлаешь... Всѣмъ придетъ крышка!

Раннимъ утромъ Коноплевъ нарочно не выходилъ наверхъ, чтобы не видѣть предсмертныхъ мукъ быка. Онъ поднялся наверхъ уже тогда, когда команда встала, и вмѣсто „Тимофеича“ была лишь одна кровавая лужа. Гуси тоже были заколоты. Оставались живы только четыре боровка. Мать ихъ

была зарѣзана еще два дня тому назадъ, и окорока уже коптились.

Убирая хлѣвъ и задавая кормъ послѣднимъ „пассажирамъ“, которыхъ офицерскій кокъ (поварь), по усиленной просьбѣ Коноплева собирался зарѣзать попозже. Коноплевъ былъ очень взволнованъ и огорченъ и старался не смотрѣть на своего любимца и ученика, встрѣтившаго его, по обыкновенію, приподнявшись на заднія лапы съ нѣжнымъ похрюкиваніемъ веселаго, беззаботнаго боровка, не подозрѣвающаго о страшной близости смертнаго часа.

Судьба „Васьки“ должна была рѣшиться въ восемь часовъ утра, какъ только встанетъ веселый и жизнерадостный мичманъ Петровскій, завѣдующій хозяйствомъ каютъ-компаніи. Но надежды на него были слабы.

По крайней мѣрѣ, отвѣтъ кока, передъ которымъ горячо предстательствовала за „Ваську“ Коноплевъ еще вчера, обѣщая, между прочимъ, пьяницѣ-повару угостить его на берегу въ полное удовольствіе ромомъ или аракой (чего только пожелаетъ), былъ не особенно утѣшительный. Кокъ, правда, обѣщаль не рѣзать поросятъ, пока не встанетъ мичманъ, и похлопотать за боровка, но на успѣхъ не надѣялся.

— Главная причина,—говорилъ онъ—что надоѣли, господамъ консервы, и опять же праздникъ... И мичманъ хочетъ отличиться, чтобы обѣдъ былъ на славу, и чтобы всего было довольно... На поросятъ очень всѣ лстытся... Оно, точно, ежели съ кашей, то очень даже пріятно... И какую я ему причину дамъ

насчетъ твоего „Васьки?“ Правда, забавный боро-
вокъ... Ловко ты его приучилъ служить, Коноплевъ!

— Служить!? Онъ, братецъ ты мой, не только
служить.. Онъ всякія штуки знаетъ... Я завтра для
праздника показалъ бы, каковъ „Васька“.. Матро-
сика ахнуть!—проговорилъ Коноплевъ въ защиту
„Васьки“, невольно отрывая коку тайну сюрприза,
который онъ готовилъ.—А ты доложи, что боровакъ,
моль, тощій... Имъ и трехъ хватить... слава Богу...

— Доложить-то я доложу, только врядъ ли...

Въ это утро Коноплевъ не разъ бѣгалъ къ ко-
ку, напоминая ему объ его обѣщаніи доложить и
суля ему не одну, а цѣлыя двѣ бутылки рому или
арака. Наконецъ, передъ самымъ подъемомъ флага,
кокъ сообщилъ Коноплеву, что мичманъ самъ при-
детъ смотрѣть боровакъ и тогда рѣшить.

Послѣ подъема флага мичманъ прошелъ на
бакъ, повернувшись къ загородкѣ, гдѣ находились бо-
ровки, внимательно оглядывалъ „Ваську“, рѣшая во-
просъ: рѣзать его или не рѣзать.

Коноплевъ замеръ въ ожиданіи.

Наконецъ, мичманъ поднялъ голову и сказалъ
Коноплеву:

— Хоть онъ и не такой жирный, какъ другіе,
а всетаки, ничего себѣ. Зарѣзать его!

На лицѣ матроса при этихъ словахъ появилось
такое выраженіе грусти, что мичманъ обратилъ вни-
маніе и, смѣясь, спросилъ:

— Ты что это, Коноплевъ! Жалко тебѣ, что ли
поросенка?

— Точно такъ, жалко, ваше благородіе!—съ
подкупающей простотой отвѣчалъ Коноплевъ.

— Почему же жалко?—удивленно задалъ вопросъ офицеръ.

— Привыкъ къ ему, ваше благородіе, и онъ все особенный боровокъ... Ученый, ваше благородіе.

— Какъ ученый?

— А вотъ извольте посмотрѣть, ваше благородіе.

Съ этими словами Коноплевъ досталъ Ваську изъ загородки и сказалъ:

— „Васька!“ Проси его благородіе, чтобъ тебя не зарѣзали... Служи хорошенько...

И боровокъ, ставъ на заднія лапы, жалобно захрюкалъ.

Мичманъ улыбался. Сгоявшіе вблизи матросы смѣялись.

— „Васька!“ Засни!

И боровокъ тотчасъ же послушно легъ и закрылъ глаза.

— Это ты такъ его обучилъ?

— Точно такъ, ваше благородіе... Думалъ ребятъ займу на праздникъ... Онъ, ваше благородіе, многому обучень. Смысленный боровокъ... „Васька!“ Встань и покажи, какъ матросъ пьяный на берегу бываетъ...

И „Васька“ уморительно сталъ покачиваться со стороны на сторону.

Впечатлѣніе произведено было сильное. И мичманъ, понявшій, какое развлеченіе доставитъ скучающимъ матросамъ этотъ забавный боровокъ, великодушно проговорилъ:

— Пусть остается жить твой боровокъ, Коноплевъ!

— Премного благодарень, ваше благородіе!—

радостно отвѣчалъ Коноплевъ и приказалъ „Васькѣ“ благодарить.

Тотъ уморительно закачалъ головою.

VI.

Рождество было отпраздновано честь-честью на „Казакѣ“.

День стоялъ роскошный. Томительная жара умѣрялась дувшимъ вѣтеркомъ, и поставленный тентъ защищалъ моряковъ отъ палящихъ лучей солнца.

Придѣтые, въ чистыхъ бѣлыхъ рубахахъ и штанахъ, побритые и подстриженные, матросы слушали обѣдню въ походной церковкѣ, устроенной въ палубѣ, стоя плотной толпой сзади капитана и офицеровъ, бывшихъ въ полной парадной формѣ: въ шитыхъ мундирахъ и въ блестящихъ эполетахъ. Хоръ пѣвчихъ пѣлъ отлично, и батюшка, по случаю того, что качка была незначительная, не спѣшилъ со службою, и матросы, внимательно слушая слова молитвъ и евангеліе, истово и широко крестились, серьезные и сосредоточенные.

По окончаніи обѣдни вся команда была выстроена на верху во фронтъ, и капитанъ поздравилъ матросовъ съ праздникомъ, послѣ чего раздался веселый свистъ десяти дудокъ (боцмана и унтеръ-офицеровъ), свистъ, призывающій къ водкѣ, который матросы не безъ остроумія называютъ „соловьинымъ“. По случаю праздника разрѣшено было пить по двѣ чарки, вмѣсто обычной одной.

Послѣ водки всѣ усѣлись артелями на палубѣ у большихъ баковъ (мисъ) и въ молчаніи принялись

за щи со свѣжимъ мясомъ, ушлетая его за обѣ щеки послѣ надоѣвшей солонины. За вторымъ блюдомъ — пшенной кашей съ масломъ — пошли разговоры, шутки и смѣхъ. Вспоминали о Россіи, о томъ, какъ теперь холодно въ Кронштадтѣ, весело говорили о скоромъ концѣ длиннаго, надоѣвшаго всѣмъ перехода, о давно желанномъ берегѣ, и, между прочимъ, толковали о боровкѣ, котораго какъ ловко выучилъ Коноплевъ, что смягчилъ сердце мичмана, и дивились Коноплеву, сумѣвшему такъ выучить поросенка.

Но никто изъ матросовъ и не догадывался, какое доставить имъ сегодня же удовольствіе „Васька“, сидѣвшій, пока команда обѣдала, въ новомъ, маленькомъ хлѣвушкѣ, устроенномъ Коноплевымъ. Ходили слухи, распущенные кокомъ, что Коноплевъ готовить что-то диковинное, но самъ Коноплевъ на вопросы скромно отмалчивался.

Наконецъ, боцманъ просвисталъ командѣ отдыхать, и скоро по всему катеру раздался храпъ спящихъ на палубѣ матросовъ, и только одни вахтенные бодрствовали, стоя у своихъ снастей и поглядывая на ласковый океанъ, на горизонтѣ котораго бѣлѣли паруса попутныхъ судовъ.

Бодрствовалъ и Коноплевъ, озабоченно и весело готовясь къ чему-то и проводя послѣобѣденный часъ въ таинственныхъ занятіяхъ съ „Васькой“ на кубрикѣ, въ полномъ уединеніи. Повидимому, эти занятія шли самымъ удовлетворительнымъ образомъ, потому что Коноплевъ очень часто похваливалъ боровка и высказывалъ увѣренность, что „они не осрамятся“.

Тѣмъ не менѣе, надо сознаться, что когда до ушей Коноплева донесся свистокъ боцмана, призывав-

шій матросовъ вставать, и затѣмъ раздалась команда, разрѣшавшая пѣть пѣсни и веселиться,—Коноплевъ испытываль волненіе, подобное тому, какое испытываетъ репетиторъ, ведущій своего ученика на экзамень, или антрепренеръ передъ дебютомъ подающаго большія надежды артиста.

— Ну, Вась, пойдёмъ...

Взрывъ смѣха, восторга и удивленія раздался среди матросовъ, кагда на бакѣ, въ сопровожденіи Коноплева, появился боровокъ „Васька“, одѣтый въ полный матросскій костюмъ и въ матросской шапкѣ, надѣтой слегка на затылокъ. Повидимому „Васька“ вполне понималь торжественность этого момента и шель мелкой трусцой съ самымъ серьезнымъ видомъ, чуть-чуть повиливая своимъ куцымъ хвостикомъ.

Плотная толпа сбѣжавшихся матросовъ тотчасъ же окружила Коноплева съ его ученикомъ и продолжала выражать шумно свое одобреніе.

— Ишь, вѣдь, выдумаль же что, песъ тебя ѣшь; —сочувственно произнесъ боцманъ Якубенковъ, находясь, какъ самый почетный зритель, впереди.

— Ну, Вася, потѣшь матросиковъ, чтобъ они не скучали... Покажи, какой ты у меня умный...

Предпославъ это предисловіе, Коноплевъ началъ представленіе.

Дѣйствительно, боровокъ оказалъ необыкновенно умнымъ, умѣвшимъ дѣлать такія штуки, которыя впору были, пожалуй, только собаѣ.

Онъ становился на заднія лапы, танцоваль, перепрыгиваль черезъ веревку, носиль поноску, „умираль“ и „воскресаль“, показываль, какъ ходить пьяный матросъ, хрюкаль по приказанію, и, нако-

нець, при восклицаніи Коноплева: „боцманъ идетъ!“ со всѣхъ ногъ бросался къ Коноплеву и прятался между его ногами.

Восторгъ матросовъ былъ неописуемый. Это представленіе было настоящимъ удовольствіемъ для моряковъ, скрашивающимъ однообразіе и скуку ихъ тяжелой жизни...

Нечего и говорить, что всѣ номера были повторены безчисленное число разъ, и послѣ этого всѣ считали долгомъ потрепать „Ваську“ по спинѣ, и всѣ были признательны Коноплеву.

— И какъ ты это такъ обучилъ его, Коноплевъ? Ай-да молодчина... Ай-да дошлый...

Но, сіяющій отъ торжества своего любимца, Коноплевъ скромно отклонилъ отъ себя похвалы и приписывалъ все „Васькѣ“.

— Онъ, братцы, башковатый. Страсть, какой башковатый! Чему угодно выучится. И не надо ему грозить... Однимъ добрымъ словомъ все понимаетъ!

Когда въ каютъ-компанію донеслась вѣсть о диковинномъ представленіи, Коноплева съ „Васькой“ потребовали туда.

И тамъ представленіе имѣло такой большой успѣхъ, что по окончаніи всѣ офицеры единогласно объявили, что боровка „Ваську“ дарятъ командѣ. И когда старшій офицеръ выразилъ подозрѣніе насчетъ благопристойности „Васьки“, то Коноплевъ поспѣшно отвѣтилъ:

— Обучень, ваше благородіе, очень даже обучень, ваше благородіе!

Такимъ образомъ, разрѣшилось и это сомнѣніе, и съ того дня „Васька“ сдѣлался общимъ любим-

цѣмъ матросовъ и во все время плаванія доставлялъ имъ не мало удовольствія.

Когда, черезъ три года, „Казакъ“ вернулся въ Кронштадтъ, „Васька“, уже большой боровъ, по всей справедливости былъ отданъ въ собственность Коноплеву.

И судьба матроса измѣнились.

Мичманъ Петровскій, уже произведенный въ лейтенанты, взялъ Коноплева въ деньщики и избавилъ его отъ постылаго плаванія. И Коноплевъ скоро перебрался съ „Ваською“ на квартиру лейтенанта въ Кронштадтъ и зажилъ вмѣстѣ со своимъ любимцемъ относительно спокойно въ ожиданіи отставки, когда можно будетъ уйти въ свою родную деревушку.

Въ книжномъ складѣ

Вятскаго Губернскаго Земства

продается

альбомъ иллюстрацій къ сочиненіямъ

Н. В. Гоголя.

„Страшная мѣсть“, „Сорочинская ярмарка“, „Вечеръ наканунѣ Ивана Купала“, „Пропавшая грамота“.

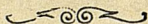
Альбомъ изданъ въ 1874—77 г.г. А. Н. Голяшкинымъ и состоитъ изъ 4-хъ тетрадей, заключающихъ въ себѣ 36-ть картинъ величиною $11\frac{1}{2} \times 15$ вершк. (съ полями), исполненныхъ хромолитографіей по рисункамъ художниковъ В. Е. Маковского, И. М. Крамскаго, И. М. Прянишниковъ, К. А. Трутовскаго и М. Н. Чичагова.

Цѣна альбома 10 рублей

(вмѣсто первоначальной цѣны 20 рублей).

Учрежденія и лица, обращающіяся съ своими требованіями въ Книжный Складъ Вятскаго Губернскаго Земства пользуются уступкой въ 30%, т. е. получаютъ альбомъ за 7 рублей при бесплатной пересылкѣ, или за 6 рублей при пересылкѣ за счетъ заказчика.

1-й выпускъ альбома остается въ ограниченномъ количествѣ экземпляровъ.

Изданія Вятскаго Губернскаго Земства.

*Вишневскій.	О простудѣ		
* „	О пищѣ	Цѣна	10 к.
* „	О водѣ и напиткахъ.		
* „	О содержаніи тѣла въ чистотѣ.		
* „	Объ одеждѣ.		
* „	Какъ устраивать здоровый домъ.		
* „	О работѣ и занятіяхъ.		
* „	Какъ лѣчить болѣзни и оказывать помощь людямъ въ разныхъ несчастныхъ случаяхъ.		
△*Братчиковъ.	Какъ осматривать лошадей при покупкѣ	Цѣна	3 к.
△* „	Опредѣленіе возраста у лошади.	„	3 к.
* „	Холощеніе лошадей	„	6 к.
Лимановъ.	Опой у лошади.		
*Горностаевъ и Дремцовъ.	Бесѣды о вредныхъ насѣкомыхъ	„	7 к.
Горностаевъ, Шкляевъ и Максимовичъ.	Краткое руководство къ возведенію кирпичныхъ крестьянскихъ построекъ.	„	7 к.
*Горностаевъ и Шкляевъ.	Кирпичное производство	„	6 к.
*Горностаевъ.	Приготовленіе извести	„	4 к.
Жирновъ.	Какъ выдѣлывать черепицу.	„	6 к.
Горданскій.	Хирургія уха	„	1 руб.
△*Картина.	„Эскимосы“	„	35 к.
„	„Малайцы“	„	35 к.

Книги, отмѣчен. знакомъ *, допущ. въ народн. библіотеки-читальни, отмѣч. △ допущ. въ библіотеки низшихъ училищъ.

Земства, земскіе книжные склады и книгопродавцы при выпискѣ этихъ изданій въ значительномъ количествѣ пользуются уступкою въ 30%.

Поступило въ продажу новое изданіе
Вятскаго Губернскаго Земства

Н. В. ГОГОЛЬ.

Избранныя сочиненія въ 3-хъ томахъ, подъ редакціей и съ вступительной статьёй **Виктора Петровича Острогорскаго.**

Изданіе снабжено портретомъ автора и приблизительно 80 иллюстраціями, изъ которыхъ до 40 рис. будутъ воспроизведены съ существующихъ уже картинъ и иллюстрацій, а остальные исполнены вновь по заказу Вятскаго земства. Редактированіе художественной части изданія принялъ на себя Илья Ефимовичъ Рѣпинъ.

Въ сборникѣ будутъ помѣщены рисунки: *И. Е. Рѣпина, В. Е. Маковского, И. Н. Крамскаго, И. М. Прянишникова, К. А. Трутовскаго, В. М. Васнецова, А. М. Васнецова, Чичагова, К. В. Лебедева, Н. Н. Хохрякова, А. А. Рылова и другихъ.*

Въ сборникѣ вошли слѣдующія произведенія:

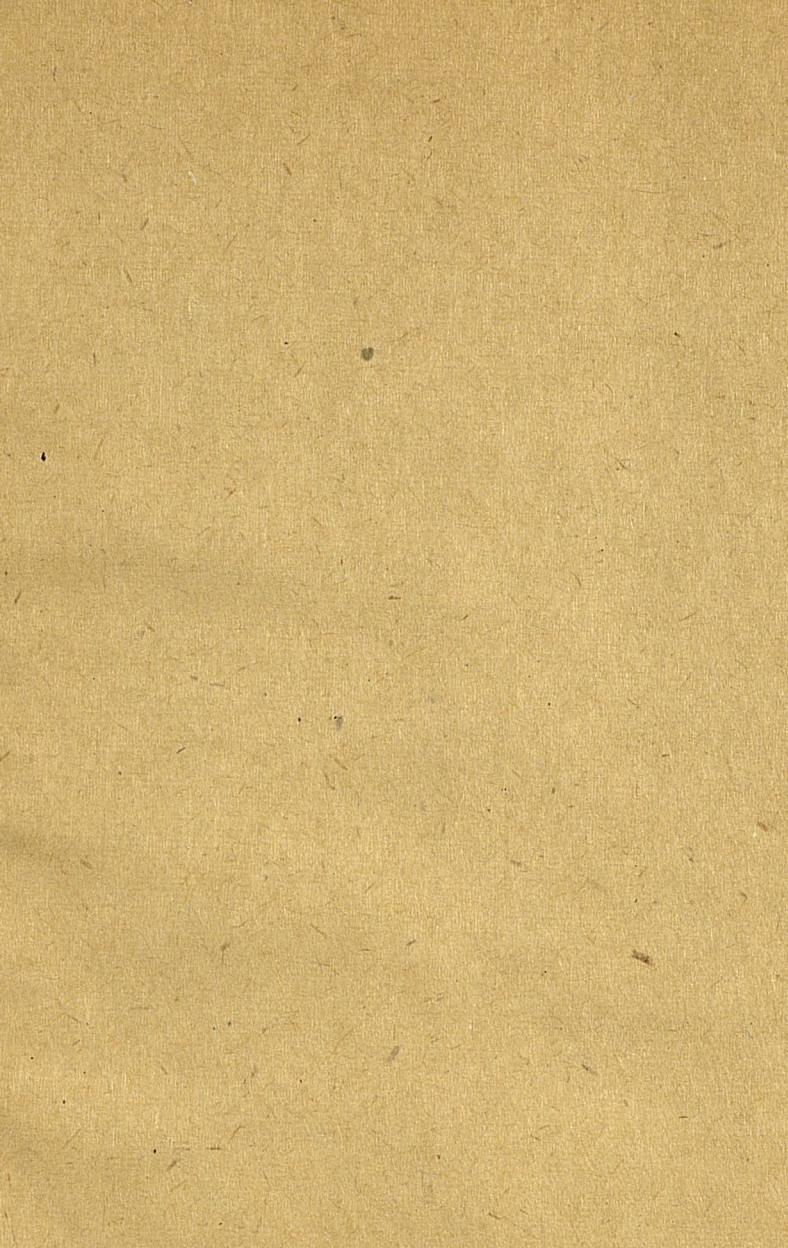
Вечера на хуторѣ близъ Диканьки: Сорочинская ярмарка. Вечеръ подъ Ивана Нупала. Майская ночь или утопленница. Пропавшая грамота. Ночь подъ Рождество. Страшная мѣсть. Заколдованное мѣсто. Какъ поссорились Иванъ Ивановичъ съ Иваномъ Никифоровичемъ.
Миргородъ: Старосвѣтскіе помѣщики. Тарасъ Бульба. Вій. Шинель. Коляска. Ревизоръ. Женитьба. Мертвыя души.

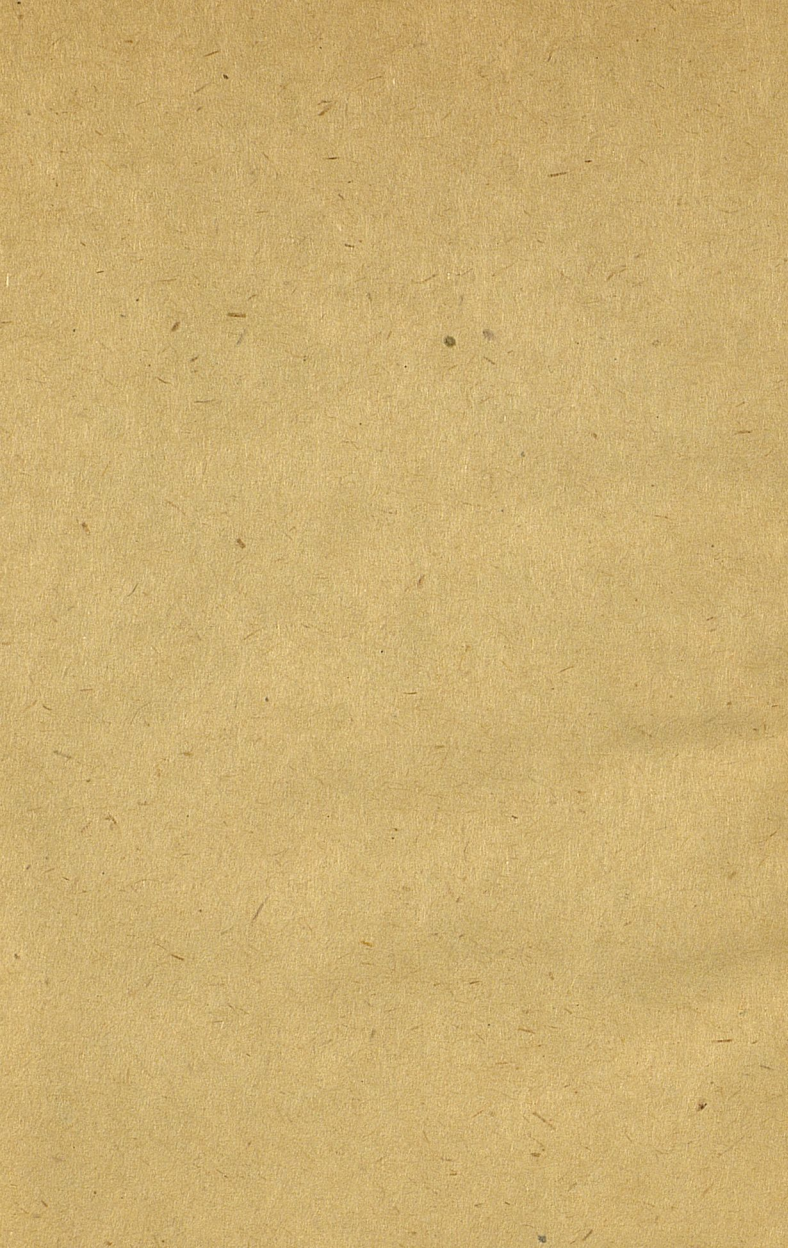
Сборникъ напечатанъ въ 3-хъ томахъ большого формата до 1000 страницъ, на хорошей бумагѣ, четкимъ шрифтомъ.

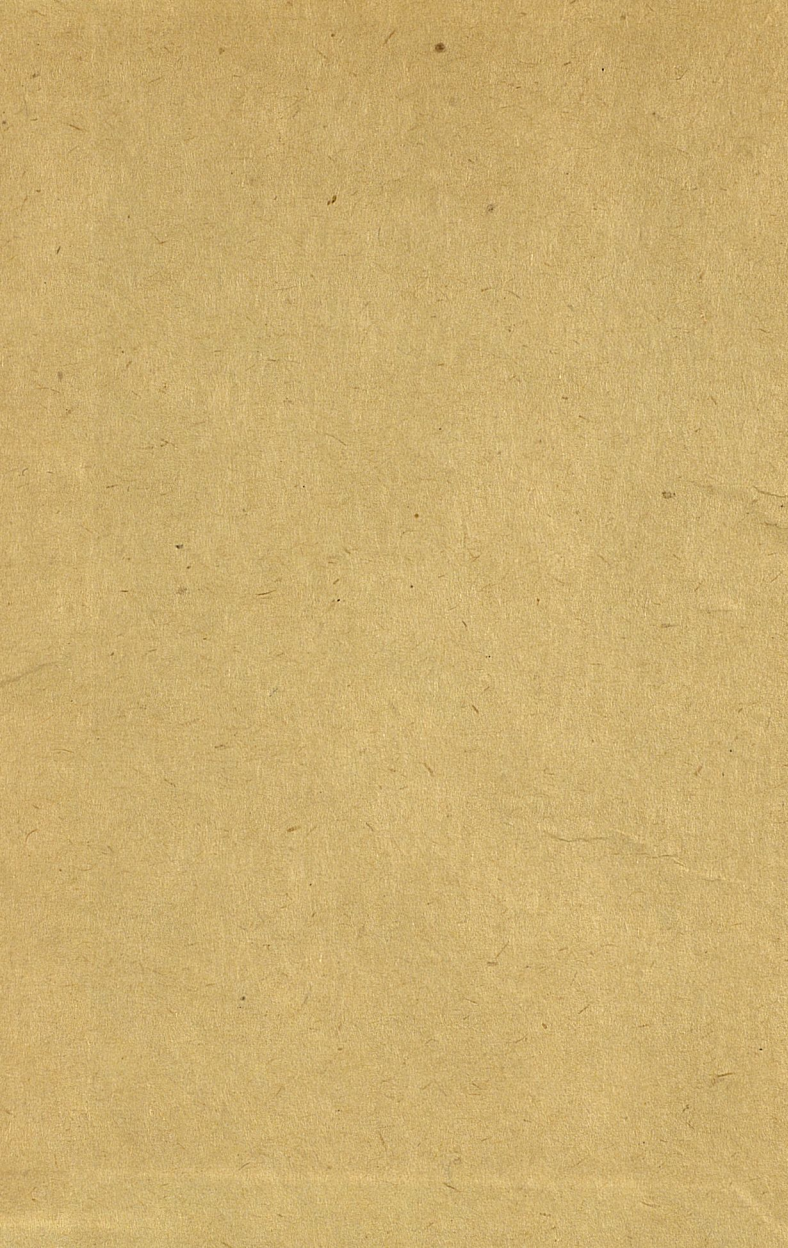
Цѣна сборника 1 р. 50 к.

Земства, земскіе книжные склады и книгопродавцы пользуется уступкою 30%, при выпискѣ одного названія болѣе 1000 эк. скидка 35%.

Требованія адресовать въ Вятку, на имя Книжнаго Склада Губернскаго Земства.

2007067232